

— В апреле я снова в Ленинграде. Документы и диссертация наконец-то приняты в Совет. На меня заведена папка, которая хранится у Лены Герасименко - секретаря Совета (не путать с Учёным секретарём!), ютящейся вместе с ещё одной секретаршей в маленькой комнатухе на кафедре радиофизики в старом здании НИФИ, то есть рядом с Главным корпусом ЛГУ на Васильевском острове - зданием "двенадцати коллегий".

— Документы у меня, оказывается, не все ещё собраны. Их там прорва требуется, целый список пунктов из 15-ти. Но главное сейчас - отправить текст объявления в Бюллетень ВАК о принятии диссертации к защите в ЛГУ. Только после того, как оно будет там опубликовано, Совет может назначить срок защиты, причём не ранее чем через три или четыре даже месяца с момента публикации объявления. Текст объявления я напечатал и отправил в Бюллетень.

— А Лариска в эти дни увлеклась пропагандой творчества Высоцкого. На физфаке был вечер его памяти, который с трудом удалось пробить - требовалось специальное разрешение партийных и прочих органов. На вечере слушали специальный ретро-монтаж из записей его песен и ответов самого Высоцкого на вопросы, касающиеся его жизни и творчества. Магнитофонные записи сопровождалась демонстрацией слайдов с кадрами из фильмов, фотографиями его в жизни, на концертах, на сцене Таганки, похороны.

— Плёнки и слайды с этого вечера Лариска выпросила себе во временное пользование и теперь проводила такие вечера у себя дома в компаниях своих многочисленных друзей. И Анка с Антоном целыми днями гоняли магнитофон с этими записями.

— Большинство из них я слышал впервые. Масштаб творчества Высоцкого представился мне теперь неизмеримо более высоким, чем я представлял себе раньше. "Час зачатия я помню не точно", "Канатоходец", "Он начал робко с ноты "до", "Колея" и множество других песен ("Кони", "Затопа ты мне баньку по-белому" и т.д., и т.п. - невозможно перечислить) буквально покорили меня. От некоторых прямо дрожь пробирала. Гигант. Настоящий народный поэт, необычность которого лишь в том, что стихи его неотрывны от музыки, пусть незатейливой, и его хриплого голоса, пусть надрывного порой. Но какая страстность! "Рвусь из жил, из всех сухожилий..."

В Ленинград я ездил через ИЗМИРАН, куда заезжал по нашим хоздоговорным делам. С университетом (калининградским) ещё в конце прошлого года всё, наконец, наладилось. Были заключены два договора - один с кафедрой теорфизики, по которому пошли все работы по моделированию, и второй - с кафедрой Никитина, которому отошли экспериментальные работы, точнее, не ему самому, а Пахотину, который у него теперь работал.

Из Ленинграда в ИЗМИРАН пришло письмо с "Вектора" (конторы вроде "Вымпела"), который давно затягивал нас в договор на выполнение правительственной темы, а мы не соглашались, ссылаясь на отсутствие своей достаточно мощной ЭВМ, да и Лобачевский не советовал с ними связываться - не солидная, мол, фирма. Так вот, в этом письме содержалось обещание предоставить нам в первом квартале следующего, 1982 года ЭВМ типа ЕС-1045 - одну из самых последних марок, которая нас устроила бы по всем параметрам. От нас же требовалось разработать глобальную прогностическую модель ионосферы с учётом возмущений, провести на её основе расчёты дальних радиотрасс и сопоставить результаты этих расчётов с наблюдениями, которые мы же ещё и должны были в рамках этой темы провести.

Собственно, все ионосферные организации Союза из Академии Наук, Гидрометслужбы и Минвуза, занимающиеся моделированием, до сих пор именно эту задачу как раз и решали и намеревались ещё долго её решать. А нам предлагалось разделаться с проблемой за три года. Но чёрт-те знает, на что мы на самом деле способны со своей машиной такого класса? Другого случая заполучить такую ЭВМ может и не

представиться. И мы, обсудив всё с Ивановым и Саенко, решили соглашаться на заключение хоздоговора и начали готовить бумаги к нему - ТЗ, сметную калькуляцию, сам договор и т.п.

— В середине мая (18-го) пришла телеграмма от дяди Серёжи: "Тётя Люся умерла 15-го похороны 20-го или 21-го Мороз". Мы с отцом вылетели в Ленинград 19-го. И там узнали по телефону от заливающейся слезами тёти Тамары вторую печальную новость - накануне нашего приезда случился обширный инфаркт у дяди Вовы. Причём это произошло с ним в больнице, куда его увезли ещё до смерти тёти Люси с прединфарктным состоянием после очередного сердечного приступа. О смерти сестры он до сих пор не знал, лежал теперь в реанимации.

— Хоронили тётю Люсю в Сестрорецке рядом с еле заметной могилой её матери, моей бабушки - Александры Владимировны, там, где хотела быть похороненной наша мамочка. Вывозили тело из Песочной, там и прощались с ней, излишне полной во здравии, а теперь совсем высохшей, совершенно на себя не похожей. На похоронах кроме близких - дяди Серёжи, Вовки, Кольки - были ещё родственники, которых я давно уже не видел - Галка и Серёжка Яковлевы, дяди Серёжины племянница и племянник, похоронившие уже своих родителей, живших когда-то вместе с Морозами в подвале на Степана Разина - тётю Веру, сестру дяди Серёжи, и мужа её - дядю Федю. Была здесь тётя Женя Гришанова, старшая сводная сестра моей мамы и тёти Люси, перенесшая давно уже инфаркт и оперировавшая опухоль, а всё живая и выглядящая бодро. А в Сестрорецке на кладбище пришла бабка Вера Николаевна, которую мама моя называла тёткой, но была она, кажется, женой брата мамино отчима - Кузнецова или что-то в этом роде. Она, будучи далеко уже за пенсионным возрастом, продолжала работать в Сестрорецком промтоварном магазине, я с ней ездил за грибами, когда учился на первом или втором курсе. Теперь ей было уже под девяносто, но меня она вспомнила и узнала. Сыновья её - Петька и Алька считали маму и тётю Люсю сестрёнками. Петька давно уже умер, а Алька - широкий седой курчавый мужик был здесь.

— На поминках дядя Серёжа всё пытался рассказать про последние минуты тёти Люси, как мучилась она, задыхаясь, как глаза её говорили - не хочу умирать... А Вовка останавливал его: - Не надо, батя, кому это интересно, помолчи.

— А поздно вечером, когда все уже разошлись, я распекал Кольку за разгильдяйство и бессердечность, поддерживаемый женой его - Ниной, довёл Кольку до слёз, но назавтра мы уже помирились, и он помогал нам с отцом затариваться продуктами в Калининград - мясом, маслом.

— Съездил я в Сестрорецк, сходили с тётей Тамарой в больницу, я заглянул в реанимационную палату, увидел там на крайней кровати под капельницей дядю Вову. Он был в сознании и выглядел спокойным, меня не заметил. Врачи говорили, что самое страшное уже позади, в этот раз смерть его миновала.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)